

Ирина Мешкова

**Сказки.
Иванушка,
Баба-яга
и другие**

Ирина Мешкова

**Сказки. Иванушка,
Баба-яга и другие**

«Издательские решения»

Мешкова И.

Сказки. Иванушка, Баба-яга и другие / И. Мешкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500669-1

Сказки про Иванушку, Бабу-ягу, ковер-самолёт, капризную царевну, девочку
Снегурочку, морского царя, Кикимору и Жар-птицу. Часть 2.

ISBN 978-5-00-500669-1

© Мешкова И.
© Издательские решения

Сказки. Иванушка, Баба-яга и другие

Ирина Мешкова

© Ирина Мешкова, 2019

ISBN 978-5-0050-0669-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русалка

Жили в одном доме с отцом-матерью две девочки: Анютка и Маришка.

Вечерами бабушка Настасья девочек спать укладывала.

Сидит она у изголовья, рассказывает сказки – про злую бабу Ягу, про Кощея Бессмертного, про водного царя Нептуна и его дочерей русалок.

– Бабулечка, скажи, злой ли этот Нептун? – Анютка спрашивает.

– Когда добрый. Тогда и погоды ясные стоят. А как подданные его плохо службу сослужат – сердиться начинает. В это время вода на реке вздымается, буря на земле начинается. Люди по домам сидят, к реке не подходят и Нептуна боятся.

– Бабулечка, расскажи, а русалки какие? – Маришка спрашивает.

– Есть у Нептуна пятнадцать дочерей. Все они красавицы и разумницы. Но если Нептун прикажет, могут в омут человека заташить и утопить. Вот какие они русалки. А краше всех – любимая дочь Нептуна – Дина-русалка. Уж так её принц земной полюбил и просил Нептуна отпустить на землю, во дворце жить. Царь Нептун, конечно, не разрешил. Как же – любимую дочь людям отдать. Рассердился он тогда и на принца заклятье наложил – превратил в чайку. Чайка та обычно у моря живёт, но иногда и к нашей реке возвращается. Над водой низко пролётывает и русалку громко зовёт.

– Да, слышали мы, как она кричала! – девочки вспоминают.

– Ну спите уже, поздно, – бабушка Настасья говорит.

Пошли как-то девочки купаться. Анютка уже хорошо плавала и заплывала подальше. А Маришка у берега плескалась, там, где батюшка сети поставил.

Видит Маришка – бурунчик рядом с ней, волнение какое-то.

Зовёт она Анютку:

– Анюта, Анюта, около сетей колыхается что-то! Плыви сюда, мне страшно!

– Не бойся, – Анютка отвечает. – Это рыба в папенькину сеть попала. Вот и кружится там. Папенька придёт, рыбу заберёт.

– Слишком большая рыба-то! Крутится-вертится, шибко брызгается!

Подплыла Анютка поближе – а на неё из-под воды лицо смотрит.

– Русалка! – Анютка кричит.

Тут русалка из-под воды и показалась. Хвостом за сеть зацепилась, вырваться не может.

– Помогите, – просит, – мне выпутаться.

– А ты нам ничего не сделаешь? – Маришка спрашивает.

– Буду только благодарна вам, – русалка улыбнулась.

Поднырнула Анютка и выпростала русалкин хвост из сетей.

– Погоди, не уплывай, русалочка, – Маришка говорит. – Правда это, что вы людей утаскиваете?

– Неправда, – русалка отвечает. – Папенька наш говорит, что это мы должны людей сторониться, большой вред от них бывает.

– А как зовут тебя, русалочка? – Анютка спрашивает.

– Дина-русалка я.

– Та самая, к которой принц прилетает? – хором девочки воскликнули.

– Сказки это всё, – улынулась русалка. – Много люди про нас неправды сочиняют. А вас как зовут?

– Анютка с Маришкой мы.

– Давай, Маришка, я тебя плавать научу.

Долго девочки в тот день купались, с русалкой говорили да в догонялки с ней играли.

А потом вода волнами пошла.

Встрепенулась Дина-русалка.

– Пора мне, девоньки, батюшка зовёт, сердиться будет.

– Завтра приходи, – Маришка говорит.

Улыбнулась русалка, нырнула и уплыла.

Тут и батюшка пришёл рыбу из сетей вытащить.

– Эхма, – говорит, – опять русалка сеть испортила. Не видели тут никого?

– Нет, батюшка, – Анютка смеётся. – Русалки только в сказках бывают.

И Маришке подмигивает.

С тех пор девочки каждый день купаться приходили. Русалка к ним выплывала, в игры играла, про жизнь под водой рассказывала, у Анютки с Маришкой про земные порядки расспрашивала.

Вот как-то не удержалась Маришка и, когда бабушка Настасья пришла девочек спать укладывать, рассказала про Дину-русалку.

Переполошилась бабушка Настасья, отругала девочек за непослушание:

– Разве ж можно с русалками в игры играть. Смертельное это дело! В пучину русалки людей затаскивают, щекочут их, пока до смерти не защекочат. И в глаза русалкам смотреть нельзя, околдовать могут взглядом-то! Волю человек теряет и плыть не может. Рученьки-ноженьки у него не двигаются!

Вскочила нянька, побежала всем рассказывать, переполох устроила. Мало того маменьке с папенькой доложила, да ещё и всей деревне растрезвонила, чтоб детушек к реке не пускали, русалка де там появилась.

– Что же ты наделала, – Анютка младшую сестру журит. – Не пустят нас теперь на речку.

В подводном царстве та же картина. Узнал Нептун, что дочь младшая ослушалась, с людьми дружбу завела, пренебрегла папенькиными указаниями. К берегу больше не пускает, в ласке младшей дочери отказывает.

– Не ругайся, батюшка, – Дина-русалка просит. – Хорошие то девочки. Добрые и весёлые. Ничего плохого для нашей семьи не сделают. Из сети меня выпутали.

– Сёстрыньки у тебя есть, – Нептун бурчит. – С ними и играй. Ишь, ослушница!

Вот как-то послала матушка Анютку к соседям сито попросить, чтобы муку просеять.

Зашла Анютка в сени, слышит разговор громкий. Мужики деревенские к дядьке Елизару на сходку собрались.

Судят да рядят, что дальше делать. Русалки де совесть совсем потеряли, сети портят. Пора им укорот сделать.

Хотят мужики в засаду сесть, русалок переловить, чтобы русалки сети не рвали и рыбу не выпускали.

Испугалась Анютка и про сито забыла.

Прибежала домой, Маришке рассказала, что деревенские хотят на русалок охоту учинить.

– Надо предупредить Дину-русалку, – Маришка говорит.

Вот девочки ночью спать легли, а раздеваться не стали. Ждут, пока все улягутся. Потом тайком на цыпочках из дома выбрались и к реке пошли. Темно вокруг, страшно. Небо чёрное, месяц светит неярко, ночные совы ухают да волк далеко в лесу воет. Пришли, наконец, к реке. Друг дружку за руку держат, чтоб не так страшно было. Стали звать подружку свою.

– Дина-русалка, выходи!

Три раза сказали. Видят – плеск в далеке.

Это Дина-русалка плывёт. Подплыла к берегу, с девочками здоровается, удивляется:

– Вы чего среди ночи гуляете. Разве не страшно вам?

– Ещё как страшно, – Маришка говорит.

– Предупредить нам тебя надобно, – Анютка быстро сказать торопится. – Собрались наши мужики деревенские облаву устроить. Злятся люди, что вы рыбу из сетей выпускаете, сети дырявите.

– Хорошо, – Дина-русалка отвечает. – Доложу батюшке.

Поблагодарила она девочек за смелость и сердечность. Хвостом всплеснула и в глубину ушла.

Так охотники ни одной русалки и не поймали.

Старик-лесовик

Послала бабушка Настасья Анютку и Маришку по грибы.

– Далеко не уходите, – говорит. – По краешку леса шагайте, в чащу не забирайтесь.

Стали девочки подосиновики искать, быстро корзинки наполнили, домой повернули. Маришка идёт и от нечего делать поганки палкой сбивает.

– Не балуй, – Анютка просит.

– Вот ещё! Это ж поганки ядовитые.

И на мухомор нарочно ногой наступила. Раздавила.

Вдруг откуда ни возьмись из-за дерева старичок щупленький выходит.

– Это ж зачем ты, – Маришке говорит, – таку красоту разрушаешь? Я старик-лесовик, здешних лесов сторож и защитник. Все мне тут подчиняются.

– Вот ещё! – опять Маришка фыркает.

Махнул правой рукой старик-лесовик и обратил Маришку в жука.

Вот так раз!

– Что ты наделал, дедушко! – Анютка плачет. – Это ж сестра моя! Что я матушке с батюшкой скажу!

Сидит жук, усиками шевелит, сказать ничего не может. Спинка его золотом отликает.

– Ишь какой жук получился. Красивенький. – Старичок радуется.

Постоял да исчез.

Наклонилась Анютка, жука подняла, в кармашек положила, подхватила обе корзинки и домой поплелась.

Грибы в кухне почистила. Бабушка Настасья пришла, спрашивает:

– А Маришка где?

– Дома, дома, – Анютка отвечает.

Страшно сознаться.

Вечером спать ложиться, бабушка Настасья идёт сказку сказывать.

– Так где ж Маришка? – спрашивает.

– Никому не говори, бабушка.

Из кармана Анютка жука достаёт и всю историю печальную рассказывает.

Рассердилась бабушка Настасья:

– Ах он старичишка зловредный! Таку хорошу девчонку в жука превратить! Ну ложись ужотко. Завтра сама туда пойду. Найду его, волосья-то окаянному повыдергаю!

Наутро бабушка Настасья с Анюткой в лес отправились.

Нашли избушку маленькую.

– Выходи, старик-лесовик, на бой! – бабушка Настасья грозитя.

Заскрипела дверь, лесовик выходит.

– Ты что же это, на старости лет совсем разум потерял? – бабушка Настасья спрашивает. – Да лучше Маришки девчонки не сыскать!

– Ладно. Не шуми. Ошибся малость.

Взял у Анютки жука, на пенёк его посадил, да левой рукой махнул.

Тут же Маришка и появилась. На пеньке стоит, улыбается.

– Будешь ещё лес обижать? – лесовик спрашивает.

– Нет, дедушко. Поняла я.

– Ну то-то.

И исчез, будто и не бывало. И избушка его тоже пропала.

– Ну, иди сюда, жаль моя! – бабушка Настасья зовёт. – Поцелую тебя, неслушную.

Порадовались все трое и домой пошли.

Иванушка

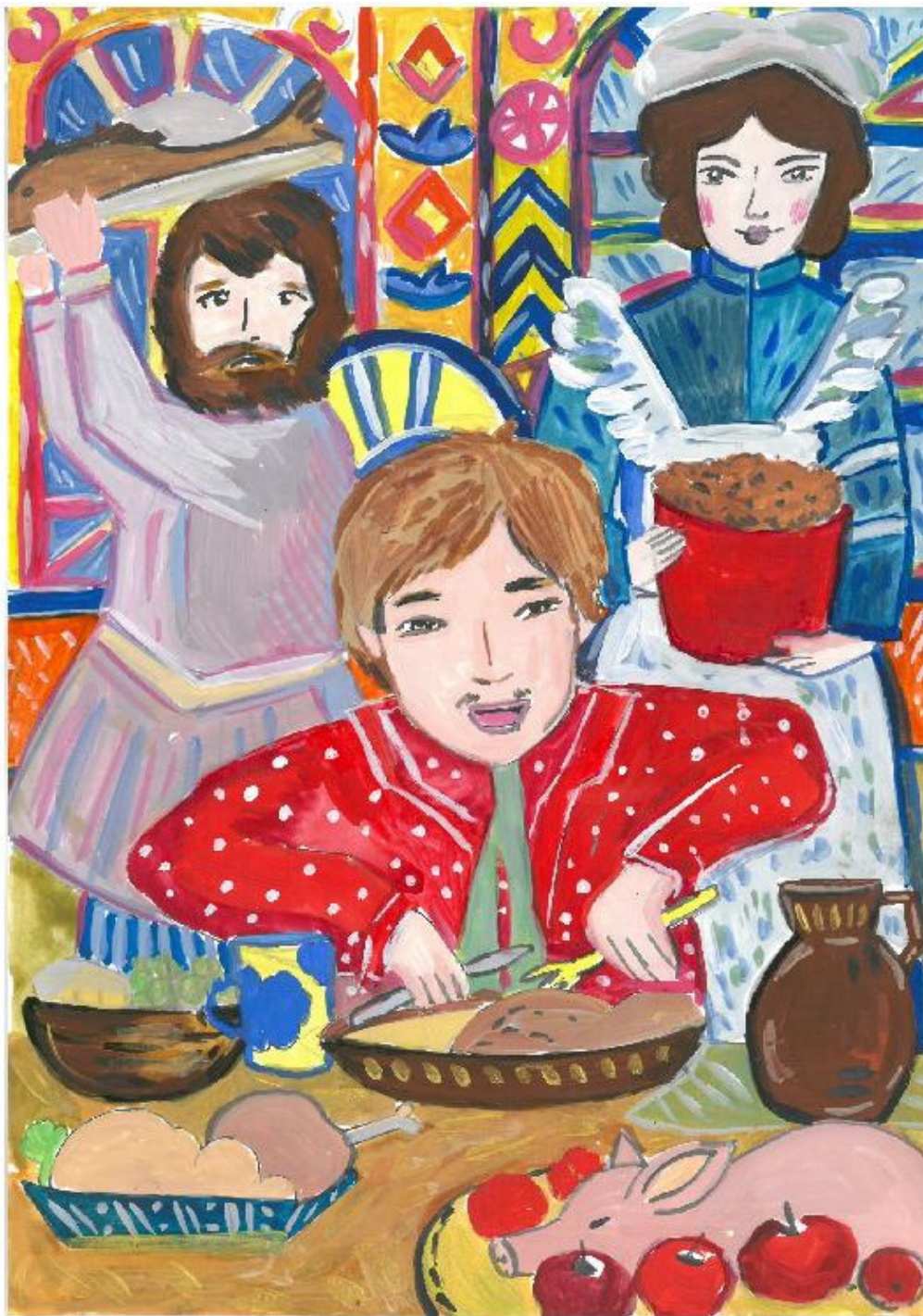
Полюбил Иванушка по белу свету странствовать. Много друзей завёл, от врагов убежал – всё было.

Зашёл как-то по пути в трактир, проголодался шибко. А у трактирщика жена колдунья была. Любила какое-нибудь новое зелье придумать, да на постояльцах его испытать.

Подмешала Иванушке в питьё снадобье. Смотрит, что дальше будет. А Иванушке хоть бы что. Поел-попил, спать лёг.

Утром просыпается, по сторонам смотрит. Что такое?

Лежит он не в трактире, где спать укладывался, а в чистом поле, на травке под деревом. А дерево такое диковинное, не нашенское, пушистыми розовыми

мохнатками усыпано. Чуть подальше глянул – замок стоит недалеко, острыми башенками в небо упирается.

Себя оглядел – батюшки светы! Одежда переменялась. Вся блестящая, смотреть больно. – Где ж это я? – Иванушка глаза протирает. – Али сон такой?

Ущипнул себя – больно. Не сон, значит.

Привстал на локте, тут его люди какие-то увидели, из замка выскочили, подбегают, кланяются.

Подняли под руки, пылинки отряхивают, величеством кличут, в замок заывают.

Иванушка сопротивляется:

– Что вы, ребяташки! Я ж простой!

Те и не слушают, что он лепечет.

«Чудеса, – Иванушка думает. – За кого-то другого меня приняли.»

Пришли в замок. Слуги кругом крутятся, за стол Иванушку сажают, блюда разные заносят. Еда разнообразная да незнакомая в блюдах лежит.

– А каши гречневой можно? – спрашивает нерешительно. – С молоком?

Побежали кашу готовить.

– Сейчас будет, – застольный слуга говорит. – Отведайте покамест холодные закуски.

Лакеи продолжают стол кушаньями заставлять, паштетами да пудингами.

– А ещё кто-нибудь будет завтракать? – Иванушка интересуется.

– Вечером гости придут, а сейчас только Ваше Величество изволят откушивать.

– Вот как. Моё величество, значаца. – Иванушка снова дивится и опять себя за ногу щиплет. – Спасибо, конечно. Но куды ж мне столько одному? Садитесь тоже.

И главного застольного слугу приглашает.

– Не извольте беспокоиться, Ваше Величество. Не положено нам ни в коем разе.

Кашу гречневую принесли. Съел Иванушка кашу и наелся. Остальная еда не пригодилась.

– Вы, – говорит, – кушанья людям отдайте, кто голодный. Не выбрасывайте. Такое моё повеление.

Начал уже Иванушка к званию своему привыкать.

– Что же дальше по расписанию? – спрашивает.

Застольный слуга изумляется, но виду не подаёт. Такое это место, где удивляться слугам не дозволено. Говорит:

– Разрешите Вас в Ваш царский кабинет препроводить, коли вы забывши.

И по коридорам в комнату большую проводит. У дверей писарь стоит, Иванушке в пояс кланяется.

А в кабинете уж пузан какой-то ждёт. Одежда его не хуже царской – шибко нарядная. Министр это набольший.

Кланяется он, насколько, конечно, пузо позволяет, и тоненьким голоском говорит:

– Доброго здоровья, Ваше Величество!

– И вам не хворать, – новоиспечённый царь отвечает.

Садится Иванушка за огромный стол. Стол так стол – что твоя палуба! Со всех сторон Иванушка его оглядывает.

Неужли писать потребуется, гадает. Да нет, вот печать большая царская. Тюкнул ей по бумагам, и вся недолга.

Начал министр беседу:

– Утвердились ли Вы, Ваше царское величество, насчёт того вопроса, чтоб войной на Любаву-царицу пойти?

– Что?! – Иванушка голос повысил. – Да можно ли Любаву победить? В своём ли вы уме? Она колдовством владеет, чудесами ведаёт, исцелять умеет! Это ж какой дурачина задумал Любаву одолеть?

– Это Вы, Ваше Величество. Давеча шибко сердились, что к вам такого уважения нет, как у людей к царице Любаве. Хотели ей укорот сделать.

Иванушка аж закашлялся от неожиданности. Думает, вот и польза от того, что я в страну эту и в замок этот, уж не знаю как, попал. Войну смогу отвести. Людей сколько сберегу от дурости этой.

– Отныне никаких войн в моём царстве, – пузану говорит. – Повелеваю людям работу свою исправно выполнять. А каждое воскресенье праздник устраивать для рабочего люда. Требую выполнения этого закона неукоснительно и во веки веков! Подать бумаги!

Писарь уж скоренько всё записал – дока по этой части.

Взял Иванушка большую царскую печать, в чернила её промакнул, да так лихо, будто всю жизнь эдакими делами занимался, и бабахнул по вензельной бумаге царской.

– Какие еще на сегодня дела? – у министра спрашивает.

– Жалобу одну нужно рассудить. Просится к вам подданная ваша, дюже обижена она. Требует обидчицу свою в неволю заточить за преступление.

– Ну проси. – Иванушка позволяет.

Вводят тётку – торговку с базара. С ней девчинка чумазя.

В ноги царю обе падают, торговка немедленно жалобу предъявляет:

– Эта девchonка, чтоб ей ни дна, ни покрывшки, булку у меня украли! Пусть в темницу её заточат и не выпускают!

– Я только кусочек откусила, – тихо девчинка отвечает.

– Кто ж теперь купит откушенную булку! Придётся сухари из неё сделать и тогда уж продать!

Иванушка сразу всё понял. Бывало, и у него частенько, что живот от голодухи к спине прилипал. Улыбается он и говорит девушке:

– Зачем же ты испортила товар доброй женщине?

– Очень уж есть захотелось.

Торговка опять за своё:

– Велите бросить девchonку в темницу, Ваше Велико!

– погоди командовать! – Иванушка грозно отвечает. – Кто тут царь – ты или я?

И министру приказывает:

– Торговке убыток возместить, а девchonку отмыть и на кухню младшим поварёнком определить. Давать за работу плату, и стол на каждый день обеспечить.

На том и порешили.

А ввечеру бал закатали. Пришли особы ко двору приближенные: графья да князья. Приём с умыслом устроили, нужна де царю невеста. Вот фанфары зазвучали, подвели к царю для представления двух молодых.

Одна худая да высокая, длинная шея из воротника тянется, Августой зовут.

Другая коротенькая да пышная, Октябриной кличут.

Сначала станцевал Иванушка с Августой, потом с Октябриной. Намаялся, конечно. Плясать-то может только трепака, а тут загогулины надобно всяки выделять.

К тому ж разговор требуется поддерживать на ходу.

А всё равно, пока танцевал, понял, что ни одна молодница ему не глянется, в невесты не годится.

Так министру и доложил.

– Эх, ребята! – говорит. – Я б к Любаве посватался, да не по сеньке шапка!

Пожил Иванушка сколько-то в замке, дела царские справляя, и опять его на волюшку потянуло.

Перед тем, как уйти, нашёл он молодца ушлого, но праведного. Дела ему передал и тёмной ночью, чтоб никто не задерживал, в путешествие снова отправился.

Ковёр-самолёт

Было в одной семье небогатой, но и не бедной, два сына: Антон да Емельян. Пожили сколько-то родители, да и померли. Старшему, Антону, всё оставили, принято так было. А младшему – ничего.

– Поживу у тебя немного? – младший, Емельян, спрашивает.

– Отчего ж, живи, – Антон отвечает. – Сегодня. А завтра уходи. Я женюсь скоро, ты тут лишний будешь. Давно я ждал этого дня, чтоб по своим правилам добром распоряжаться. Так что не нужен ты мне в моём законном доме.

Вздыхнул Емельян – уходить надо. Куда – неизвестно.

– Эхма, – говорит, – пропадай моя телега, все четыре колеса!

И подался в соседний лес в разбойники. Захотелось так ему.

Стал проезжающих грабить. Но не всех, а богатеньких.

Едет какой-нибудь князь, али граф, али купец без сопровождения, Емельян тут как тут: предъявите, дескать, ваши денежки, диаманты, а также золото-серебро многочисленное. Да еще изгаляется – зачем-де вам столько, когда рядом людям куска хлеба на обед нету.

Трофеи забирает, на деньги их в городе меняет и людям неимущим, сиротам да калекам, раздаёт. По ночам ходит и незаметно подкладывает, чтоб на глаза никому не показываться.

Так что, одни Емельяна любили и уважали, в молитвах поминали, чтоб бог его хранил, а другие лютой ненавистью ненавидели.

Когда очень уж яриться начинали, Емельян притихал на время. В лесу жил: зимой охотился, летом грибы-ягоды собирал, много ему самому не надо было.

Потом опять объявлялся, толстопузых богатеев до слёз доводил – очень жалко им было с финтифлюшками блестящими расставаться.

До того довёл, что написали обиженные челобитную царю, просили наказать Емельку окаянного.

Приказал царь войско собрать из отборных солдат, изловить и наказать Емельяна за разбой.

Вот как-то снится Емельяну сон. Во сне девушка Татьяна его предостерегает. Уходи, говорит, из леса, охота на тебя будет вскорости. Поймают и за все шалости отомстят.

Ещё сказала, что будет на днях через лес обоз купеческий проезжать, так ты золото-серебро не бери, иначе беду накликаешь, а возьми только в последней телеге скатку небольшую, больше ни на что не зарься.

Проснулся Емельян. Неспроста это, думает.

И вправду – через два дня едет по большой дороге купец. Целый обоз скарба везёт на продажу. Там и одежды богатые и утварь заморская.

Не стал Емельян трогать купца, а, когда последняя подвода мимо проезжала, подбежал незаметненько и скатку с неё стащил.

Развернул. Батюшки – ковёр! И на что он мне сдался, Емельян думает. Прилег – мягко, однако. Полежал, на небо посмотрел. Тут ковёр зашевелился, да в воздух взмыл.

Висит над землёй.

– Вот оно что, – Емельян говорит. – Диковинка! Видно, ждёт, чтоб я скомандовал.

Стал он приказы отдавать: лети, ковёр, вверх либо вниз, шибко либо медленно. Способный Емельюшка был, быстренько летать настрополился. И вовремя.

Солдаты царские уж к тому времени до Емели близко подобрались. Еще немного, и отыщут.

Свернул он скатку свою, похлопал по ней рукой.

– Это мне награда, видно, за моё разбойство, – говорит.

И усмехается. Скатку на плечо – идти собрался.

Вдруг слышит – голоса. Со всех сторон его охотнички царские обступили – сейчас схватят.

– Так вот на что диковинка эта! – Емелька обрадовался.

Скатку свою развернул, ступил на ковёр-самолёт и приказал:

– Вверх, родимый!

Солдаты увидели, оружие побросали, крестятся да приговаривают:

– Сгинь, нечистая! Свят, свят, свят!

Емелюшка беспрепятственно с места и улетучился. Поплыл над лесами, над реками. Глядит вниз да удивляется.

Так и стал Емелюшка над землёй парить, как птица поднебесная, сверху на города-сёла посматривать. Приземлится когда-нито, и опять в путь.

Долго ли коротко ли, разыгралась в Емелюшке страсть крестьянская к земле. Захотелось на одно место стать, остепениться.

– Поигралси в игры разные и будя, – говорит.

Сказано – сделано: пошёл в лавку одну – дедушка старенький там древности всякие продавал. И сторговал ковёр-самолёт за шапку серебра.

На монеты эти лесу купил, работников нанял и скоренько дом в деревеньке одной построил.

Вот сидит как-то, чай распивает. Вдруг дверь отворяется: входит красна-девица – точь-в-точь такая, как во сне тогда Емельяну привиделась.

– Не Татьяной ли тебя звать?

– Татьяной, – девица отвечает.

– Ну и диво – по всему свету тебя шукал, на ковре-самолёте летаючи, а ты сама ко мне зашла, когда уж и не ждал!

– А я тут, в этой деревеньке живу, пришла соли горстку попросить взаймы.

Слово за слово, понравились молодые друг другу, а через время и свадьбу сыграли.

Вот и вся история про Емельяна.

Три брата и сестрица

Было в одной семье у батюшки с матушкой четверо детей: три мальчика и девочка-красавица. Никогда ребята не ссорились и сестрицу пуще глаза берегли, любили её очень.

Вот подросли парнишки.

Старший, Кузьма, на хлебопёка выучился. Уж такой дока пряники да крендельки сладкие выпекать ребятишкам на радость.

Средний, Степан, сапоги тачал. Девушки за ним вереницей ходили: сделай да сделай туфельки сафьянные. Очень красивую обувь мастерил – ноги от радости сами в пляс шли.

Младший, Никита, кузнецом знатным стал. Мог любую красоту, даже самую меленькую, из железа сковать.

Сестрица их, Акси́нья, тоже подросла. Домашние на неё не нарадуются: ткать, вышивать мастерица. На воскресных посиделках отплясывает лихо, а уж частушки сочинять никто лучше Акси́ньи не мог.

Так и жили, в согласии и в уважении, и не знали, что сговорились Кошей Бессмертный со Змеем Горынычем похитить девицу Аксинью из родного дома.

– Помнишь, Горыныч, – Кошей говорит, – задолжал ты мне одну услугу? А посему обязан просьбу мою исполнить. Видал я давеча Аксинью-девицу, лучше неё не сыскать. Принесёшь мне красавицу в башню высокую – и должок твой прощу.

Делать нечего, полетел Змей Горыныч в городок, где семья та жила. Улучил минутку, когда Аксинья одна по двору шла, схватил девушку и утащил в башню Кошееву.

– Никак шумнуло во дворе что-то, – матушка говорит.

Выскочили – никого. На небо глаза подняли, там Змей Горыныч, и уж далёко улетел.

Люди в том городе знали, что Горыныч временами налётывает и в Кощеево царство девушек утаскивает.

Стали собираться братья в дорогу. Взнуздали лошадей, поскакали.

Приезжают в город, где в лавке старичок вещицы старинные продавал. Спешились, зашли посмотреть на необычный товар.

– Что это в углу у тебя свёрнуто? – Кузьма спрашивает.

– Ковёр-самолёт, – старичок отвечает, – парень один за шапку серебра продал.

Изумились братья:

– Вот уж диво так диво!

Тут вспомнили, что поспешать надо.

– Купите, коль хотите, – продавец предлагает.

– Очень уж дорого, – Степан отвечает.

– А не дашь ли на время? – Никита говорит. – Сестрицу выручать надо. Далеко добираться, а на чуде таком мы поверху быстро домчимся по прямому-то пути.

– Берите, – старичок соглашается. – Лошадей у меня оставьте, на обратном пути обменяете.

Сели братья на ковёр-самолёт. Летят над полями, над лесами, над высокими горами.

Прилетают в стольный город. В стольном городе в воскресный день ярмарка шумит. Остановились братья ненадолго попить-поесть. Видят, на ярмарочной площади состязание пекарей объявили.

– Кто лучший хлеб испечёт – тому пол шапки серебра! – царский вестник кричит.

Со всей страны булочных дел мастера собрались. Захотел и старший брат поучаствовать.

– Не успеете вы пообедать, – Кузьма братьям говорит, – как я дело сделаю.

Вот пока другие хлебопёки тесто заводили, да опару поджидали, Кузьма такой знатный пирог спроворил, что не стыдно к царскому столу преподнести. На нём деревца с цветами, да озерца с лебедями, да башенки с колоколами!

Получил-таки Кузьма пол шапки серебра, дальше в путь пустились.

Через время прилетают в другой город. А там со всех краёв лучшие сапожники собрались! Кто царской дочке самые красивые сапожки смастерит, тому она сама пол шапки серебра подарит.

– Ну это мне недолго. – Степан говорит. – Нет еще такого мастера, чтоб быстрее меня обувь сшил.

Не успели другие мастера работу начать, а у Степана уж всё готово. Поглядела царевна на те сапожки, узорчатые да лёгкие, ни на какие другие и смотреть не захотела. Отдала Степану за работу пол шапки серебра.

Дальше братья подались. Наконец, в Кощеево царство попали. Увидали башню высокую, где Кошей обитал. Приземлились недалече, башню Кошееву разглядывают – там сестра их находится.

Перед башней – площадь городская. Скоморохи там представление показывают, торговцы товары продают, покупатели мимо рядов ходят.

А в башне в светлице Аксинья сидит, есть-пить отказывается, с Кошеем не разговаривает.

Он её яствами потчует, а девица и глядеть на те угощения не желает, за волей тоскует.

Подошла Аксинья к окошечку, на площадь посмотреть. Глянула – а там брат Никита!

Смастерил Никита-кузнец клетку ажурной работы, в клетке птичка золотая, скачет и песенку поёт, как живая! Народ подходит, дивится. Поняла Аксинья, что помощь прибыла, начала с Кошеем разговор.

– Хочу погулять я, по ярмарке пройтись, золотую птичку в клетке посмотреть, – говорит.

Согласился Кощей. Не ожидал, что подмога к Аксинье так быстро придёт. Снарядил слуг десяток человек, чтоб стерегли девушку, как зеницу ока. И отпустил её пройтись, авось и аппетит нагуляет.

Сам пошёл в подвал деньги в сундуках пересчитывать.

Вышла Аксинья из башни, вид делает, что товарами интересуется. Подходит к Никите, птичку разглядывает. А Никита говорит тихонечко:

– Там за углом Кузьма со Степаном, иди к ним.

И погромче:

– А кому птичку поющую золотую! Недорого продам!

Пока слуги на птичку глазели, девушка и ушла от них незаметно.

На ковёр-самолёт запрыгнула, тут же и Никита подбежал.

Сначала низенько полетели, чтоб народ не баламутить. А как на безлюдное место попали, вверх взвились – и домой!

Слуги Кошечевы так и не поняли, куда Аксинья подевалась.

Вот прилетели в тот город, где лошадей оставляли, заплатили старичку две пол шапки серебра и ковер-самолёт выкупили. На коней сели и домой к бабушке с матушкой прискакали.

Тут и сказка вся.

Мороз Иванович

Под Новый год дело было. Попросила матушка ребятишек, Машуню, Васю и Снегурочку, хворосту набрать.

– Да смотрите, далеко не забредайте, – учит. – А то заблудитесь.

Надели дети свои шубейки, натянули валенки и пошли за хворостом.

Пришли в лес, дивуются – деревья белыми кружевными узорами принарядились. Налюбоваться невозможно на такое великолепие!

Бросили дети хворост, стали с деревьев серебряные блёстки друг на дружку стряхивать, баловаться, да в снегу кувыркаться.

Выбежали на полянку – глядь, там дворец ледяной стоит! Вот так-так! Отродясь его здесь не бывало!

Дворец тот на солнце всеми цветами радуги переливается. Вверху башенки резные. Внизу крылечко широкое, дверь, как полагается.

– Давайте зайдём! – Василёк говорит.

Не успели оглянуться, а он уж дверку открыл.

– Стой, Василёк! – Машуня кричит.

А он девочек внутрь зовёт, чтоб следом поспешали.

Зашли все трое. Внутри светло, солнце так и играет, сквозь прозрачные стены лучики пускает. Много палат в том дворце – большие комнатки, да маленькие.

Долго дети по палатам ходили, диву давались.

– Здесь, наверное, Дедушка Мороз живёт, – Василёк догадался.

– Ну вот что, – Машуня спохватилась. – Маменька уж ждёт, загулялись мы.

– А тут ещё одна дверь на улицу, – Снегурочка говорит и на небольшую дверку показывает. – Давайте здесь выйдем.

Открывают они дверь, выходят и не поймут ничего. Кругом деревья зелёные, птицы на все голоса щебечут, листочки на ветру шумят.

Посмотрели друг на друга – одежда с них тёплая пропала и валенки. Стоят они в летнем платье, босиком, понять ничего не могут.

Оглянулись назад – нет дворца ледяного!

– Это откуда ж лето среди зимы взялось? – Василёк удивляется.

– Не нужно было заходить нам, – Машуня говорит.
Ну да поздно жалеть. Кто ж знал, что так выйдет.
Пошли дети по тропинке, ягоды собирают, едят.
– Не наш это лес, – Машуня говорит. – Не узнаю я его.
Ходили, ходили, устали. Сели на лужок посидеть, притихли.
Тут к ним оленёнок из чащи выскакивает.

– Кто ты? – Машуня спрашивает.
Отвечает он:
– Коли встретите древесную колдунью, попросите её расколдовать меня.

- Значит, ты не олешек? – Василёк спрашивает.
- Я мальчик Николаша. Домой к матушке с батюшкой хочу. Наказан за своё любопытство, попал в лес зачарованный, обратился в оленя.
- Где ж ты колдунью искать? – Снегурочка спрашивает.
- Сам не знаю. Поторопитесь! Ещё немного, и вы тоже в зверей обратитесь. Испугались дети, позвали оленёнка с собой древесную колдунью искать. Идут вчетвером. На пути река. В реке енотик полощется. Увидал детей, навстречу бежит.
- Как же рад я вас видеть! – говорит.
- Ты что, тоже ненастоящий? – Машуня спрашивает.
- Поплатился за своё непослушание, зашёл в ледяной дворец, теперь не знаю, что и делать. Мальчик я, раньше-то меня Кирюшей звали.
- Идём с нами древесную колдунью искать, – Василёк зовет.
- Впятером теперь идут.
- Встречают медвежонка маленького. Сидит он, голову лапами обхватил и скулит. Увидал ребят, подбегает, жалуется.
- Надоело мне по летнему лесу ходить, домой хочу, там, где зимушка-зима.
- Как же зовут тебя?
- Мишуткой и зовут.
- Его тоже взяли.
- Вот проходит сколько-то времени, подходят к дубу широкому. На дубе древесная фея сидит. Глаза и волосы зелёные, за спиной крылья прозрачные.
- Зачем пожаловали? – спрашивает.
- Ребятишки кланяются. Говорит Машуня:
- Помоги нам, колдунья древесная. Сможешь ли ты домой нас отправить? Будь мило-стива! А зверят этих нужно снова в людей обратить.
- Как же вы попали сюда? – колдунья спрашивает.
- Зашли в ледяной дворец, а очутились в месте незнакомом, заколдованном.
- Опять Мороз Иванович напутал, – древесная фея объясняет. – Забыл заклятье на дом свой наложить, чтоб тот невидимым стал. Оттого и забрело в него столько ребятишек. Ну да дело поправимое. Идите за мной.
- Взвилась она в воздух и полетела. Вернулись к тому самому месту, где дворец раньше стоял.
- Хлопнула колдунья один раз в ладоши – олешек, енот-полоскун и медвежонок снова человеческий облик приняли. Стали мальчишками: Николашей, Кирюшей да Мишуткой.

Хлопнула колдунья два раза в ладоши – деревянный терем появился.

– Заходите в терем, во дворце Мороза Ивановича окажетесь.

Так и вышло. Зашли дети в тёплый терем, а оказались в ледяном доме Мороза Ивановича. И одёжка на них откуда ни возьмись появилась – шубейки да валенки.

Тут и Мороза Ивановича увидели. Сам высоченный, шуба да шапка в инее, борода до пояса. Стоит и подарки для детей по мешкам раскладывает.

– Ай-яй-яй, – говорит, – опять оплошал я, забыл запрет на дворец свой поставить. Устал, замаялся, всем подарки надо разложить, успеть до Нового года, потому и запомнил.

Снегурочка дедушке кланяется и говорит:

– Давай я останусь и помогу тебе, дедушка! Люб мне твой дворец.

– А не замёрзнешь?

– Нет, дедушка, я ведь из снега сделана.

– Оставайся, коли так, – дедушка обрадовался. – Давно я о помощнике мечтал.

Расцеловалась Снегурочка с Машуней и Васильком на прощанье и осталась с дедушкой Морозом жить. Помощницей его стала.

А дети из ледяного дворца вышли и по домам разошлись.

То-то радости было в каждой семье – ребятишки нашлись!

Домовой

Жил парень Родион. Отстроил он себе дом большой, да женился на девушке Анфисе.

Хорошо зажили. В это время у правителя местного, князя Дамира, и его жены Софьи сынок родился. Стали младенцу няньку искать.

Девушка Анфиса у княгини Софьи на побегушках работала. Даром, что из простых, а шустрая была и сметливая. Не успеет княгиня подумать – та уж исполняет.

Предложила княгиня Софья Анфису главной нянькой мальчику назначить – рядом с сообразительной девушкой и ребёночек умненький вырастет.

Князь Дамир по-своему хочет. Был у него на примете генерал Самсон – храбрый вояка.

– Самсона к ребялёнку приставлю – исправный воин вырастет из мальчонки, – Дамир говорит.

Заспорили князь с княгиней. А Дамир очень состязания всякие любил. Мёдом его не корми, поединок какой устроить: кто бегаёт лучше всех или на мечях кто лучше дерётся. Победителя непременно мешочком с монетами наградит.

Решили и на этот раз состязание провести.

Позвали генерала Самсона и девушку Анфису. Чтобы никому не было обидно, стали по очереди князь с княгиней их о разном спрашивать. Смотрят, кто лучше извернётся, да на вопрос ответит.

– Ну-ка ответь, Самсон, – княгиня первая начала. – Когда чёрной кошке проще в дом войти?

– Стало быть ночью? – Самсон отвечает.

– А ты что скажешь? – к Анфисе обращается.

– Я думаю, когда дверь в дом открыта, не иначе.

Оценила Софья находчивость девушки, князю подмигивает.

– Теперь я спрошу, – Дамир говорит. – Сколько хлеба можете вы съесть натошак?

Стал генерал пыжиться, уж он-то всяко больше съест, чем пигалица эта. Значит и отгадка его лучшая будет.

– Ломтей десять, – хвалится.

Подумала Анфиса немножко.

– Один ломтик маленький, – говорит. – Всё, что следом съем уже не натошак будет.

Князь с интересом на Анфису посмотрел – у девушки ума не занимать стать.

– Пусть теперь каждый сам загадку заганёт, – князь распорядился.

Тут же Анфиса придумала:

– Когда небо ниже земли?

– Не могу знать! – генерал Самсон отвечает.

– Сама ответь, – княгиня просит.

– Когда в луже отражается. Вот и отгадка. – Анфиса смеётся.

Стал Самсон загадывать:

– Скажи-ка, девушка, если солдату нельзя спать семь дней, какой выход?

– По ночам спать! – Анфиса бойко отвечает.

Перемудрила старика Самсона в состязании. Согласился князь Дамир такую сообразительную девчинку к сыну для примера приставить.

А подрастёт сынок, то и Самсону работа найдётся военному делу мальчика обучать.

Пришла Анфиса домой, радуется, Родиону рассказывает.

А дома не порядок – вещи стали пропадать.

Утром хочет Родион рубаху надеть – а её нет. Что за напасть!

В следующий раз Анфиса пол собирает мести – веник исчез. Что ты будешь делать!

– Домовой шалит, – Анфиса говорит.

Налила она ввечеру домовому молочка да баранку рядом положила, чтобы задобрить. У печки всё это оставила, спать пошла.

Утром встаёт – молока нет, а и платочка на голову повязать – тоже нет!

Ужин съел, и всё равно шкодит.

Тогда Родион придумал. Сделал он вид, что уходит – потопал ногами громко и дверью хлопнул.

Сам назад вернулся, стоит ждёт.

Вылезает из-под печки домовый, ростом в три вершка. Родион его хват за бороду. Тот пищит.

– Что, лихо тебе? – Родион спрашивает.

– Лихо, ой, лихо! Отпусти, Родионушка!

– Ну так вот и мне лихо, когда утром рубашку не нахожу.

– Верну, всё верну, – домовый пищит. – Это я вас с Анфисой поссорить хотел, не получилось у меня. Прости, чёрт попутал.

Уговорились, что мирно будет домовый жить, без пакостей.

С тех пор стал тот семейству помогать.

Вот как-то говорит Родиону:

– Мне домовый князя Дамира сказывал, что в кладовушке у того сапоги-скороходы друга твоего стоят. Пусть Анфиса разузнает и выручит их, сюда принесёт.

Просит Анфиса у княгини Софьи продать те сапоги.

– А и так бери, – Софья отвечает. – Сапоги эти в гири пудовые превращаются, коли обуешь их. С места ногу не сдвинешь.

Давно ещё сапоги эти князь Дамир у Иванушки силой отнял, потому они силу свою скороходную и потеряли.

Принесла Анфиса сапоги домой, в чуланчик поставила.

– Пусть стоят, хозяина дожидают, – говорит. – Авось Иванушка вернётся когда-нито в наши края.

Стали дальше жить-поживать.

Вот прошло сколько-то времени – заболел ребёночек у князя Дамира. Никто не поймёт, что случилось – спит всё время, не разбудишь его. Уж Анфисушка и так, и сяк – не просыпается! Одолела мальчика сонная болезнь.

Созвал Дамир знахарей отовсюду, пытается:

– Расскажите мне, люди добрые, что это за хворь такая и как же с ней управиться?

Врачеватели стоят, плечами пожимают. Тут один дедушка старенький – в чём душа только держится – выходит впереди всех и говорит:

– Цветик один растёт за тридевять земель, в тридесятом царстве. Он единственный может спасти. Запах его княжич вдохнёт – и на место его здравие станет. Тяжело туда добраться и пеши, и конём. Далеко это.

Кинул князь Дамир клич по княжеству своему, помогите де, люди добрые, спасите княжича.

Прибежала Анфиса домой, так и так, Родиону говорит. Не попробуешь ли Иванушкины сапоги-скороходы для нужного дела приспособить, ребёночка спасти?

– Да я бы рад, – Родион говорит, – Да не слушаются они меня. Помню, примерял я их однажды, когда Иванушка сапоги эти принёс. Унесли они меня на яблоню, так что лоб себе об неё расшиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.